

⁶⁹ Там же. С. 398.

⁷⁰ *Крузенитерн И.Ф.* Указ. соч. С. 149.

⁷¹ *Вдовина Л.Н.* Что есть мы? (Русское национальное самосознание в контексте истории от Средневековья к Новому времени) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1993. № 5. С. 6–13.

⁷² *Тишков В.А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 120–124.

© 2010 г. Т. П. ХЛЫНИНА *

ЗАПАД В ВОСПРИЯТИИ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА 1920-х годов

Если задаться целью и собрать воедино все словарные определения такого ключевого для российской истории понятия, как «запад», то окажется, что их не так-то много. Запад понимается как географическая характеристика («сторона света», «часть горизонта, за которую заходит солнце»); особенность определенного типа культуры и цивилизации; обобщающее название ряда европейских стран. При этом каждое из этих определений имеет временные особенности своего бытования, что не только смещает смысловые акценты, но и привносит любопытные aberrации в восприятие массовым сознанием Запада в целом. Так, для образованного человека XIX в. Запад ассоциировался с «западной», «упадком» и «спадом». Вместе с тем, как показал в своем исследовании классического российского западничества Д.И. Олейников, при всех сложностях взаимовосприятия России и Запада представление об их единстве долгое время считалось очевидным¹. С петровских времен крепнет идея ученичества – соперничества России с Западом, который окажется для нее, по точному замечанию Б.А. Успенского, «постоянным культурным ориентиром», тем, «с чем все время приходится считаться»². В конечном итоге, Запад превращается для России в «значимого другого», по отношению к которому «определяется и переопределяется ее идентичность»³. При этом, как показали изыскания О.Ю. Малиновой, тема соотнесения России с Западом не всегда в одинаковой мере являлась для нее актуальной. В 1920-х гг., когда появилась возможность «переписать свои отношения с Западом практически с чистого листа», она переживает настоящий Ренессанс.

В официальном дискурсе представителей правящей партии возобновляются старые споры о месте России в мировой истории. Правда, теперь они уже ведутся относительно страны победившего социализма, чей прорыв в «светлое царство свободы и справедливости» опередил более подготовленный к тому Запад. Данное обстоятельство, идущее вразрез с дореволюционными установками партии, увязывавшими победу пролетарской революции в России с ее началом на Западе, должно было бы стать хорошим поводом к пересмотру представлений о российской отсталости и ее извечно догоняющем пути развития. Однако одержанная победа воспринималась скорее как чрезвычайное стечение обстоятельств, нежели новая историческая закономерность. Ее превращению в предмет национальной гордости мешала и идеология пролетарско-го интернационализма, исходившая из близости грядущей мировой революции и рас-

* **Хлынина Татьяна Павловна**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону).

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», проект «Повседневный мир советского человека: стратегии выживания и механизмы адаптации в условиях социальных трансформаций 1920–1940-х гг.».

смаатривавшая российский опыт в качестве ее передового рубежа. Даже осознание того факта, что мировая революция как-то запаздывает и едва ли разразится в ближайшие десятилетия, кардинальным образом не изменило отношения России к Западу. Принятый в середине 1920-х гг. курс на построение социализма в отдельно взятой стране придал России лишь статус первопроходца, которому было еще чему поучиться у капиталистического окружения. Вместе с тем нарастающее ощущение идейной чуждости и бытийной антагонистичности Советской России к Западу придало их традиционному противостоянию принципиально новый, классовый характер. В перспективе этого противостояния Россия из «отсталой» превращалась в «передовую». При этом менялась не только трактовка отношения к «Западу»: принимая на себя роль лидера мирового антикапиталистического движения, Россия оказывалась в авангарде широкой коалиции, включавшей и колониальные народы «Востока». Классовая перспектива давала основание рассматривать «Восток» скорее как «союзника», тогда как «Запад» – преимущественно как «общего врага»⁴. Врага, собирательный образ которого был не только далек от монолитного единства, но все еще обладал притягательной силой не до конца поверженного противника. В массовом сознании, нашедшем отражение в многочисленных и разнообразных письмах, воспоминаниях и откликах рядовых граждан о событиях того времени, запечатлелись его различные образы. Они дают возможность современному исследователю судить не только о том, как представляли себе Запад различные категории населения, но и под воздействием каких факторов менялось его восприятие. Наглядным примером в этом отношении является эволюция оценок популярнейших в 1920-х гг. идей международной солидарности трудящихся и грядущей мировой революции.

В январе 1922 г. научный сотрудник Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова И.И. Литвинов, делясь своими впечатлениями об успехах и неудачах первого послеоктябрьского пятилетия, врагах и друзьях Советского государства с горечью писал о «глупостях» упрощения теории классовой борьбы, в одночасье разрушенной голодом в Поволжье: «В Сов[етской] России голодают миллионы крестьян, недавние громилы богачей и помещиков; существование сов[етской] власти в величайшей опасности. И кто же помогает голодным? Мировой пролетариат? Коминтерн, на который так надеялся Зиновьев? Профинтерн? Ничего подобного. Рабочие во всех странах собрали, быть может, двести тысяч рублей золотом. Зато американские миллиардеры жертвовали десятки миллионов золотом. Они кормят миллионы детей... Десятки докторов – буржуа чистейшей пробы – приезжают со всех стран и гибнут в борьбе с эпидемиями в голодающих районах. И детские очереди около американских столовых, и больницы, и врачи – герои-жертвы эпидемий, и поезда с американским хлебом – как все это наглядно подтверждает нашу теорию о классовом характере культуры и этики в “буржуазном” обществе»⁵.

Идея неизбежности мировой революции в сознании населения тесно соседствовала с представлением о торжестве рабоче-крестьянского интернационализма во всем мире. Так, житель с. Ново-Андреевка Новгородского района Александровского округа Екатеринославской губ. в своем письме в «Крестьянскую газету» в октябре 1924 г. заключал, что «буржуазные государства Запада и Востока катятся по наклону плоскости социальной революции». Исследуя «способы производства и обмена, установленные буржуазией», он пришел к выводу об «отсутствии каких бы то ни было научных и гуманных основ» у этого строя⁶. Не меньшую уверенность среди читателей газеты вызывала и поддержка, которую «рабочие и крестьяне заграницы» оказывают «своему брату, рабочему и крестьянину СССР». Прочитав в «Крестьянской газете» о приготовлениях «заграничной буржуазии» к войне, как сообщал один из читателей, «старички нашей д. Федоровки Дубровской вол. Бежецкого у[езда] сильно ужаснулись... Но зато молодежь, а особенно призывники 1922 г., только улыбаются и говорили: «Пушай изобретают, это для нас не страшно, все эти ее изобретения лягут на голову самой же буржуазии... рабочие с крестьянами заграницы в настоящее время находятся в цепких руках буржуазного капитализма, но когда буржуазия вооружит своих рабочих и крестьян, тогда

ослабеют когти буржуазии и выпустят свою жертву, которую полные столетия держат в кабале и угнетении»⁷. В то же время в сознании советской интеллигенции крепло сомнение относительно быстрой победы социалистической революции во всем мире. Уже в феврале 1922 г. тот же Литвинов отмечал: «Образованные народы, привыкшие критически мыслить и осознавать ответственность за каждый свой поступок, стадному чувству не так подвержены. Скопом они почти никогда не действуют. И революция для них поэтому, как и еще по многим причинам, теперь почти не мыслима. То, что было возможно в России, в Западной Европе, особенно в Англии, и Америке, невозможно. И этим объясняется отсутствие революции на Западе, несмотря на страшную войну и на значительные страдания масс»⁸. Более того, «о революции в Германии не думает почти никто, и она не возможна... Экономические бои в Германии возможны, но не больше»⁹.

В 1920-х гг. с их открытостью внешнему миру, идейным разномыслием и осознанием масштабности выпавшей на долю страны исторической миссии восприятие Запада общественным сознанием оставалось дробным. С одной стороны, он представлялся «силой, враждебной советскому государству, и оценивался – положительно или отрицательно – с точки зрения взаимоотношений с новой властью»¹⁰. С другой стороны, Запад выступал в роли иного мира, где как в сказке «текли молочные реки», а пролетариат по внешнему виду не уступал советским нэпманам¹¹. Запад виделся средоточием пороков старого, буржуазного мира, вызовом социальному прогрессу и в то же время эдаким трикстером, соблазнявшим советского человека запретными плодами мещанского уюта, продуктовым изобилием и дорогим запахом гаванских сигар. И хотя «Запад» крестьянина Костромской губ. разительно отличался от «Запада» в восприятии старой интеллигенции и, тем более, от официальной версии, во всех образах западного мира присутствовала оппозиция прошлого будущему. Именно с этим, изжившим себя в исторической перспективе прошлым и отождествлялся «Запад» в массовом сознании советского человека 1920-х гг. Он зачастую оказывался онтологическим маркером, границей «своего» и «чужого».

В смутные годы революционного брожения принадлежность чужому миру выявлялась просто: либо по внешнему виду, либо по фамилии, имени, отчеству. Известному революционеру и историку Гражданской войны на Северном Кавказе Н.Л. Янчевскому пришлось сменить польское отчество Леонардович на более привычное русскому слуху Леонидович. По прибытии в 1918 г. в Иркутск «для борьбы за советскую власть в Приангарье он был арестован где-то в пределах Иркутской губернии местными крестьянами. Темные люди заподозрили в нем польского шпиона, причем фамилия и отчество, написанные в документах, укрепляли их в этой мысли. Он едва не пошел под расстрел... Чтобы в дальнейшем не попадать в подобные ситуации и давать меньше поводов темным людям для предположений о своем польском происхождении, он стал называть себя Леонидовичем, или Леонтьевичем»¹². Такого рода подозрительность усилилась после советско-польской войны 1920 г., запомнившейся не столько «эпической оценкой происходившего», сколько «будничностью, заурядностью описываемых фактов, порой ужасающих своим наивно-примитивным варварством»¹³. По свидетельству крестьянина д. Кривоселки Копыльского района Слуцкого округа Белорусской ССР, «много пришлось потерпеть крестьянам во время войны с белополяками! Много понесли они и горя, и потерь! Там отняли лошадь, здесь увели корову, там обратно берут овец, свиней и многое другое!». Описывая конкретный случай расправы с односельчанином, автор воспоминаний сравнивает «вельможных панов» с разъяренными львами, «рассыпавшимися, как птицы при виде коршуна, почти по всем дворам и повытягавши [ми] из “стрех” [крыши] по жмени соломы, грозившими спалить всю деревню». От «подлой негодной поляцкой руки» сгорела в то время не одна деревня¹⁴.

Вместе с тем Запад выступал своеобразной лакмусовой бумажкой проверки на прочность «природы» нового человека, его стойкости к идейно чуждому и тлетворному влиянию «мира капитала и классово-ненависти». Недаром в 1920-х гг. упорно держался слух, что «нэп был придуман большевиками на погибель недобитой в огне

Гражданской войны буржуазии»¹⁵. В данной связи весьма показательна приводимая И.И. Литвиновым «презабавная история, на днях (речь идет о середине марта 1922 г. – Т.Х.) происшедшая на факультете естеств[енных] наук. Стали регистрировать студентов на получение стипендии. Общее собрание студентов факультета постановило анкет не заполнять. Отчаянные контрреволюционеры анкет не заполняли, но общая трусливая масса поодиночке их все-таки подавала, боясь лишиться стипендии. Но вот пришла «АРА» и заявила, что все студенты, которые ничего не будут получать от советской власти, получают американский паек – около 4 пудов продовольствия. Контрреволюционеры торжествуют победу, а подавшие анкеты ходят без головы, так как стоит им попасть в список стипендиатов – и они лишаются права на американский паек, который, по крайней мере, в 4 раза лучше любой нашей стипендии». Правда, многие слушатели оказались «этим чрезвычайно недовольны», а одна из них заявила, что «это оскорбление для Руси. Матушка Русь побирается»¹⁶.

По заключению специалистов, в формировании представлений человека о внешнем мире участвуют 2 информационных канала: «историософский», посредством которого происходит усвоение общих знаний по истории и культуре тех или иных стран и «политико-информационный», предоставляющий сведения о современном положении и развитии иностранных государств¹⁷. В послереволюционной России с ее резким неприятием культурного наследия старого мира ведущая роль в процессе формирования собирательного образа капиталистического Запада, прежде всего, принадлежала «аналитико-информационному» каналу. Представляющие его система образования и средства массовой информации практически сразу же оказались под идеологическим контролем правящей партии, решительно ограничившей любые иные источники получения сведений об окружающем мире. Служебные командировки за рубеж предусматривались только для партийных функционеров и крупных деятелей культуры. Ответные «дружественные» визиты иностранных делегаций строго дозировались и, как правило, проходили за «закрытыми» дверями. Курс советского руководства на привлечение к строительству социализма иностранных специалистов очень скоро сменился политикой «железного занавеса», а те немногочисленные иностранные колонии, которые успели сформироваться на строительстве крупных предприятий, воспринимались если и не совсем своими, то, по крайней мере, близкими по духу¹⁸. Вместе с тем такого рода сотрудничество породило и весьма любопытные представления о загранице. Современник, побывавший в деревне в середине 1920-х гг., отмечал на одном из партийных совещаний, что об иностранцах ходят самые невероятные слухи, как о «благотельях, которые спят и видят, как помочь русскому крестьянину, а советская власть не позволяет»¹⁹.

В литературе было уже показано, как в 1920-х гг. происходило размывание той части новой элиты, которая знала о Западе не понаслышке, а благодаря образованию, полученному за границей, или в результате пребывания в эмиграции. К началу 1930-х гг. эта группа оказалась полностью вытесненной из высших эшелонов государственной власти. Шел активный процесс сокращения и образованных партийных функционеров, знавших иностранные языки, что существенно ограничивало источники формирования представлений о западном мире и неизбежно влекло за собой рождение новых мифов. Приумножали их и эмигрантские издания, одно время заменявшие иностранные газеты и журналы. Однако уже с середины 1920-х гг. и они были практически полностью заменены реферативными обзорами с предельно ограниченным кругом хождения²⁰.

Основным каналом формирования массовых представлений о западном мире оставались советские газеты. Именно они создавали образы врагов и союзников молодого пролетарского государства, увязывая их с близящейся мировой пролетарской революцией и классовой солидарностью рабочих всего мира. Проблемы международного положения и внешней политики «рабоче-крестьянского» государства занимали ведущее место на страницах центральных и региональных изданий. Так, передовицы «Советского Юга» в 1922–1923 гг. были наполнены разоблачениями антантовского империализма и «характерной для советской идеологии тех лет резкой критикой в адрес Поль-

ши, с которой только что закончилась война, и, напротив, апологетикой германского пролетариата и Турции как страны, которая противостояла антантовскому империализму»²¹. На страницах газеты выражалась глубокая классовая солидарность с германским рабочим классом, становящимся после заключения Версальского мирного договора объектом «кнещадной эксплуатации» со стороны держав-победительниц. Особо в этой связи «доставалось» Франции, чей «экспансионистский нрав», как подчеркивалось, был известен еще с наполеоновских времен²².

Активное освещение в прессе вопросов, относящихся к формированию внешнеполитического курса Советского государства, нередко провоцировало ответную реакцию читателей. В 1926 г. в связи с обсуждением «Крестьянской газетой» предстоящих переговоров с Францией по поводу возвращения «царских долгов» редакция получила несколько десятков писем, авторы которых настойчиво просили правительство СССР «собрать как можно больше сведений о французских издевательствах над нашими солдатами и предъявить [их] как требование французам»²³. П.Ф. Габов, отправленный во Францию со 2-й особой артиллерийской бригадой, а затем перемещенный на Салоникский фронт, в своем обширном письме рассказал о «пытках и лишениях», которым подвергся он и его товарищи со стороны французских властей²⁴. Автор письма особо настаивал на том, что если «Франция будет ставить условия, чтоб русский мужик и рабочий уплатили им царские долги в сумме 4 миллиарда рублей», то «наше правительство должно им поставить требования за те жертвы, которые были у них на фронте, защищающие их границы»²⁵.

Главным международным противником Советского государства того времени чаще всего оказывалась Англия, подтверждением чему служили время от времени возникавшие слухи о готовившейся войне с британскими империалистами²⁶. Наряду с Англией в качестве вероятных военных противников фигурировали Польша, прибалтийские государства, Румыния, которые считались странами, «следующими в фарватере британской политики». Как показала М.М. Кудюкина на примере формирования внешнеполитических представлений красноармейцев 1920-х гг., причинами столь «зловещей» враждебности Великобритании по отношению к СССР считалось отнюдь не стремление к «порабощению мира». На политзанятиях, ставших основным каналом влияния на представления красноармейцев и занимавших каждый день не менее 2 часов, выяснялось, что «желание вернуть долги и национализированное имущество и потушить огонь мировой революции – вот что определяет особую враждебность к СССР английских империалистов»²⁷. Но зачастую в массовых представлениях Англия из официального противника превращалась в благодетельницу, готовую начать войну исключительно из симпатий к русскому народу²⁸. С Англией связывались и представления о возможной реставрации монархической власти в России²⁹.

В литературе неоднократно ставились и обсуждались вопросы относительно эффективности воздействия институтов советской пропаганды на создание соответствующей картины внешнего мира, внедрение в массовое сознание выгодных власти стереотипов. Следует отметить, что в принципе добившись поставленных целей и сформировав классово окрашенное восприятие советским человеком Запада, официальная пропаганда вызвала к жизни и нежелательные его образы. Так, к концу 1920-х гг. те же красноармейцы недоумевали, отчего западный пролетариат «спит и дает хлестать себя нагайками», вместо того, чтобы подгонять мировую революцию; все чаще выражались сомнения и относительно его готовности «помочь нам в случае войны»³⁰. Начавшаяся коллективизация и резко ухудшившееся положение крестьянства породили представления о том, что все пошло за границу, «на подъем революции». Крестьяне не только выражали возмущение проводившейся «обдираловкой», но и приходили к выводу, что в Америке жизнь лучше³¹. В анонимном письме, поступившем в «Крестьянскую газету» в августе 1928 г., проклинались «тираны-мучители» и советская власть, «отнявшая у труженика его землю и отдавшая ее лодырю», а надежда на избавление связывалась с «благороднейшей Англией и достойнейшем паном Пилсудским во главе с господином Чемберленом»³². Крестьянство, доведенное до отчаяния безвластием в деревне и

начавшимся экспортом хлебобудов, предупреждало правительство, чтобы оно «не полагалось очень на крестьян в случае войны. Ни один не скажет, что охотно пойдет защищать советскую власть. Хлеба нет и за 10 рублей, куда что девалось, а наш хлеб едят Англия, Франция и Германия, а крестьяне сиди по неделе голодные»³³. Ухудшение экономической ситуации в стране рождало острые и довольно нелицеприятные вопросы к власти. Все чаще в сводках писем, составлявшихся политическими отделами в различных учреждениях, отмечались прозападные настроения. Рабочие хотели знать, «чем объяснить богатство Америки и благосостояние [ее] народа, ведь это капиталистическая страна, а капитал только угнетает народ»; где находится подлинный социализм: «во Франции и Германии со свободой слова и печати или у нас в диктатуре ВКП(б)»³⁴.

Практиковавшиеся в газетах с середины 1920-х гг. публикации о передовых хозяйствах западных стран порождали представления о «зажиточном, культурном уровне жизни американского крестьянина», в доме которого «чисто, есть пианино, скрипка, много употребляют мяса». При этом рассказы о хорошей жизни пробуждали у российского крестьянина не стремление к высокопроизводительному труду, а желание перебраться «хоть в ту же Данию»³⁵. К 10-летию советской власти в «Крестьянской газете» была организована рубрика «Митинг». Среди опубликованных на страницах газеты писем оказались и такие, в которых критически оценивались достижения революции. Одно из них принадлежало крестьянину Н.Ф. Еличеву из с. Макарово Ростовского уезда Ярославской губ., открыто заявившему, что «при царе было гораздо лучше поставлено торговое дело и сбыт сельскохозяйственных продуктов». Изобличая недостатки организации земледельческого труда, он со знанием дела указывал и на одну из причин бедности советского сельского хозяйства: убыль рогатого скота, «понекому отнимавшая от земли самое драгоценное удобрение – навоз. В общем у нас кладут не более 3 тонн навоза на гектар, между тем как за границей, в Германии, Дании, Бельгии и Голландии, кладут 36 тонн на гектар. Кроме того, у них во много раз шире развито минеральное удобрение»³⁶. Осознание материального и технического превосходства капиталистического мира вызывало не только желание перебраться туда, но и недоумение по поводу необходимости оказания помощи иностранным трудящимся: «Вы английским рабочим помощь посылаете, а свои с голодудохнут»; «Америке продали нефть на 5 лет, а сами без топлива». Один из читателей, прочитав в газете заметку о помощи китайской революции, заявил: «На кой черт нам это? Деньги на них тратим, учим их, а свои люди с голодадохнут». Возникали и отдельные сомнения относительно оправданности жертв революции: «Если бы не было революции, то наша страна была бы богаче Америки»³⁷; «Весь мир живет, движется, делом занимается, а мы в нищенской, дикой, оборванной России тратим свои силы на объяснение такого и такого-то акта Бориса Годунова с точки зрения марксизма. Треплемся, изучая философские системы... и отлучаем от церкви всех, с нами несогласных. А на сто тысяч жителей у нас один автомобиль, в Америке же – десять тысяч. Там, однако, ни о Марксе, ни о ценности и цене знать не хотят. Просто препротивно»³⁸. Высказывались и предположения о «возможности превращения нашей страны во второй Китай, в то время как побежденная и в 10 раз беднейшая Германия успешно развивает свое хозяйство». Причиной тому, по заключению одной из листовок «антисоветского содержания», распространявшейся во время избирательной кампании 1928/29 гг., была «существующая система партийной диктатуры, сводящаяся к диктатуре Сталина (достаточно охарактеризованного в завещании Ленина), [которая] душист все живое в стране и ведет на край пропасти»³⁹.

В конце 1920-х гг. среди населения Советской России усилились и поиски «подлинного социализма». С.Т. Мыскин-Зеленов из д. Сонин Луг Чермошенской волости Орловской губ. писал в «Крестьянскую газету», что приход к социализму произойдет «по нашему воспитанию очень не скоро». По его словам, «в американских или европейских государствах этого не будет, потому что там народные массы при других условиях жизни живут. Америка придет к социализму по другим рельсам, а именно: при такой высокой культурной образованности и достигшей неслыханной техники, хотя и пишут,

что там давят тиски капитала рабочий класс, но, обратно, читали, что там работают по всем отраслям машины, а рабочие управляют ими. А рабочий класс живет, пользуется современным всевозможным комфортом роскоши, что наши буржуи. Я читал еще в [190]4 году, как в Америке артели из разных профессий городских жителей соединялись на кооперативных началах, содержали фермы, и в свободное время от своих профессиональных занятий и работали физическим трудом, не гнушались получившие университетское образование, как то доктора и т.д. И еще приходилось читать во время русско-японской войны и слышать от пленных, что в то время в Японии не только жилища, но и магазины [имели] двери без замков, и почему так по строгости законов или по воспитанию народных масс, так привито в целом народе взаимное уважение»⁴⁰.

Наряду с такими настроениями росла и уверенность, что построить новое коммунистическое общество можно собственными силами. В 1925 г. крестьянин с. Салтыково Курской губ. Я.М. Рудиков писал в редакцию «Крестьянской газеты»: «Новая экономическая политика дает рост государственному капиталу, рабочим и крестьянам страшную безработицу и голод, а это не по-хорошему». По его мнению, с учетом безработицы следовало развивать добывающую промышленность собственными силами, не обращаясь к западным займам и предпринимателям-арендаторам⁴¹. Не подрывало уверенности в собственных силах и осознание технического превосходства европейских стран. Ответственный работник МПС ВКП(б), один из «образцовых функционеров советской партийно-государственной системы», «красный» профессор А.Г. Соловьев записал в своем дневнике от 11 января 1929 г.: «Побывал в музее, где проводится Неделя германской техники. Далеко нам до немцев. Но будет время – обгоним»⁴².

Разнообразные и порой плохо вжившиеся с официальной версией образы Запада тем не менее не выходили за пределы его восприятия подавляющим большинством населения в качестве классового противника. Присутствие образа Запада в сознании советского человека 1920-х гг. ограничивалось представлениями об угрозе новой мировой войны и необходимости заимствования технических достижений буржуазного мира. Влияние культуры «западного окружения» с трудом пробивало себе дорогу в виде мизерных тиражей «книжек прогрессивных европейских писателей и поэтов», издававшихся М. Горьким в серии «Всемирная библиотека». Но эти книги редко доходили до рядового потребителя⁴³.

Наглядным проявлением западности в Советской России того времени оставалась, пожалуй, мода, в которой наряду с разработкой визуальных форм «советскости» присутствовало и подражание загранице⁴⁴. Одной из европейских новинок моды тех лет являлся спортивный конструктивизм⁴⁵. В эпоху нэпа достигло пика своей популярностью немое кино; появились первые отечественные кинозвезды, ставшие всеобщими эталонами красоты – Ольга Жизнева, Вера Малиновская, Анель Судакевич, Анна Стен. Своим успехом они не в последнюю очередь были обязаны подражанием в имидже и гриме голливудским актрисам. Стали вновь открываться модные ателье, возрождались шляпные мастерские. В моду входили платья в стиле «чарльстон» с заниженной талией, отделанные вышивкой или аппликацией, а также шляпки в виде таблеток⁴⁶. Попытки первых советских модельеров уйти от канонов общемировой моды и предложить новый силуэт платья – «с хрупкой, затянутой талией и очень пышной, длинной, зауженной у щиколоток юбкой», – дополнявшийся огромной красной шляпой, не увенчались успехом⁴⁷. Большой популярностью в городах с конца 1920-х гг. стала пользоваться советская юнгштурмовская форма. Созданная на основе формы членов революционной организации немецкой молодежи, она состояла из гимнастерки с широким отложным воротником, с двумя карманами по бокам и на груди, брюк полугалифе, чулок и ремня, имела цвет темного хаки, была удобна и прочна в носке. В отличие от других идеологически чуждых заимствований, на нее «возлагались большие социально-экономические надежды. Она должна была решить проблему одежды части молодых людей. Введение единой формы для комсомольцев выглядело как полное отрицание внешних образов бытовой культуры нэпа. ЦК ВЛКСМ считал, что форма юнгштурма «дисциплинирует комсомольцев», позволяет «воспитать чувство ответственности у комсомольца за свое

пробывание в комсомоле, примерность поведения у станка, на улице, дома... способствует военизации комсомола»⁴⁸.

В 1920-х гг. формировалась и новая идеология потребления, краеугольным камнем которой выступил бытовой аскетизм: стремление избавить советского человека от буржуазного культа вещей. В новой действительности вещи должны были выступать в своей настоящей, а не «извращенной» ипостаси: «Одежда должна согревать, защищать от холода, а не демонстрировать богатство в государстве, где все равны»⁴⁹. На страницах журналов для женщин активно обсуждались вопросы о том, можно ли «пудриться и мазаться». Ответы, разумеется, подразумевались отрицательные. Предполагалось, что при повышении культурного уровня женщины вся косметика сама по себе ликвидируется, а вместе с ней упадет и необходимость сопоставления жизни советского человека с «ложными» западными образцами⁵⁰.

Вместе с тем присутствие «западности» наблюдалось в формирующейся новой праздничной традиции. Возникающие праздники приурочивались к различным памятным событиям недавнего революционного прошлого, в том числе символизирующего и солидарность с трудящимися Запада. Реально ощутить свою сопричастность единому делу борьбы и поддержать западный пролетариат советскому человеку предоставлялось дважды в год: 8 марта и 1 мая. Например, в Адыгее празднование 8 марта охватывало целую неделю, тщательно планировалось и проводилось под знаком «раскрепощения женщины-горянки». Бытовавшие здесь представления о Западе сопрягались с улучшением быта, питания и гигиены женщины-работницы⁵¹. Проведение первомайских демонстраций разрабатывалось менее тщательно. Тем не менее праздник являлся практически единственным «нерабочим днем», использовавшимся властью в целях «изыскания средств через парторганизации для помощи инвалидам Красной армии и борцам Революции Запада». Однако уже в конце 1920-х гг. под «напором несознательной части населения, пускавшей слухи о том, что никакого пролетариата на Западе отродясь не было», помощь «борцам Революции Запада» пришлось приостановить⁵².

Соприкоснуться с западной культурой как образом жизни на бытовом уровне можно было и еще одним способом. Правда, он не давал полного соответствия действительному, настоящему Западу, но позволял судить рядовому гражданину об отличительных особенностях того запредельного мира, о котором так часто говорили большевики. Речь идет о так называемых национальных меньшинствах, активно вовлекаемых в 1920-х гг. в «русло коммунистического строительства» и имевших государства за пределами России. Начавшееся административно-территориальное размежевание и сопровождавшая его политика коренизации вызывали к жизни различные формы национальных образований: от районов и сельских советов до колхозов. Будучи одним из «эффективных способов» приобщения «наших внутренних националов» к строительству светлого будущего, они призваны были продемонстрировать трудящимся всего мира те возможности, которых лишила их капиталистическая родина. Между тем многие из них становились очагами высокой производительной культуры, исподволь опровергая официальные утверждения о беспорном превосходстве советской системы хозяйствования.

Весьма показательной в этом отношении оказалась недолгая история существования Немецкого (Ванновского) национального района на Кубани (1928–1941 гг.). Всего район должен был обслуживать и удовлетворять нужды 6 045 немцев. Против его существования вплоть до момента упразднения 4 мая 1941 г. в связи «с угрозой немецкого вторжения», выступали представители местной власти, а в Президиум Северо-Кавказского крайисполкома шли потоки писем о «политической вредности существования у нас, в самом сердце России змеиного гнезда германца, еще вчера бившего наших мужиков на фронтах Империалистической и Гражданской войн». Местное население выражало возмущение и тем, что «немцам гонят новую технику, у них и урожай выше»⁵³. Между тем менее чем за 2 года район превратился в показательное многоотраслевое хозяйство с развитой сетью потребительской кооперации. Приблизительно с этого же времени у него начались перебои со снабжением необходимой техникой и отмечался

рост «политической близорукости со стороны руководства района». В апреле 1930 г. организационный отдел Президиума Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета разослал окружным органам власти циркулярное письмо «по итогам проверки обслуживания национальных меньшинств». В нем, в частности, отмечалось, что «ряд краевых и окружных организаций недооценивают политического значения работы среди нацменов запада и, прежде всего, немецкого населения». Письмо содержало целый перечень искривлений и фактов подрыва работы в этом направлении социалистического строительства⁵⁴.

Большую обеспокоенность краевых властей вызывала бездеятельность местной администрации по «выращиванию кадров из немецких батраков и бедноты», находившая оправдание в том, что их могут заменить командированные в район русские»⁵⁵. Отмечавшийся в сводках ОГПУ рост эмигрантских настроений среди немцев Северного Кавказа, в том числе и из национальных районов, свидетельствовал о том, что им не очень-то уютно жилось на родине первого в мире социалистического государства. Среди немцев велись следующие разговоры: «Пятилетка – есть насильственная, поголовная коллективизация индивидуальных крестьянских хозяйств и заставит нас быть рабами, а мы этого не хотим и в коллективы не пойдем. Немцы по природе собственники и их в коллективы... и на быках не затащишь»; «Пятилетка нам не нужна. Верните нам 25–26 г., тогда была жизнь»; «Нам жизнь в Советской России надоела, мы не хотим оставаться, мы хотим ехать в Америку, не наше желание участвовать в социалистическом строительстве, а наше желание разрушить его»; «Мы в России пасынки, и поэтому мы хотим уехать к своим братьям. Лучше быть самым последним батраком, свинопасом в Канаде, чем «свободным» гражданином в России»⁵⁶.

О восприятии советским человеком внешнего мира написано немало работ. Между тем в понимании механизмов формирования образов Запада и его «страноведческих» вариаций остается много открытых вопросов. В частности, в дальнейшем прояснении нуждаются такие темы, как роль в различные промежутки времени разных источников и каналов получения информации о внешнем мире; соотношение исторической памяти с текущими международными событиями; поиск общего знаменателя в разрозненных и фрагментарных образах Запада, все попытки обнаружения которого разбиваются об особенности культурной среды той или иной группы населения, его близость или отдаленность от крупных индустриальных центров, уровень грамотности и широту полученного образования. Тем не менее очевидно, что Запад никогда не воспринимался в качестве географической реальности, имевшей строго очерченные границы. В нем всегда чувствовались инаковость по отношению к российской действительности. Представляется, что в контексте 1920-х гг. Запад превратился для советского человека в «факультет ненужных вещей», жизненно необходимый для понимания того наследия, от которого ему предстояло отказаться. Разбор очутившихся там предметов – от культуры до технических достижений и моды – повлек за собою рождение различных образов Запада, превратившихся в скором времени в устойчивые и до сих пор активно бытующие мифы⁵⁷.

Примечания

¹ Олейников Д.И. Классическое российское западничество. М., 1996. С. 8.

² Успенский Б.А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Этюды о русской истории. М., 2002. С. 395.

³ Малинова О.Ю. Дискурс о России и «Западе» в 1920–1930-х годах. Попытки переопределения коллективной идентичности в новой системе координат // Космополис. 2008. № 2(21). С. 32.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ «Птицегонство надоело до смерти...» (Из дневника И.И. Литвинова. 1922 г.) // Неизвестная Россия. XX век. Кн. 4. М., 1993. С. 87.

⁶ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1998. С. 226.

- ⁷ Там же. С. 227.
- ⁸ «Птицегонство надоело до смерти...»... С. 95.
- ⁹ Там же. С. 99.
- ¹⁰ Россия и Запад: формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 144.
- ¹¹ Чуковский К.И. Дневники (1901–1929). М., 1997. С. 98.
- ¹² Мининков Н.А. Николай Леонардович Янчевский: историк, писатель, революционер. Ростов н/Д., 2007. С. 7.
- ¹³ Голос народа... С. 32.
- ¹⁴ Там же. С. 35.
- ¹⁵ Национальный архив Республики Адыгея (далее – НА РА), ф. Р-855, оп. 1, д. 29, л. 1.
- ¹⁶ «Птицегонство надоело до смерти...»... С. 110.
- ¹⁷ Россия и Запад... С. 121.
- ¹⁸ См., напр.: Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электростанции в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000.
- ¹⁹ Вокруг статьи Троцкого «Уроки Октября» (октябрь 1924 – апрель 1925 г.) // Известия ЦК КПСС. 1991. №7. С. 175.
- ²⁰ Россия и Запад... С. 131.
- ²¹ Мининков Н.А. Указ. соч. С. 20.
- ²² Советский Юг. 1923. № 219 (924).
- ²³ Голос народа... С. 22.
- ²⁴ Там же. С. 31.
- ²⁵ Там же. С. 30.
- ²⁶ Голубев А.В. Советское общество и «военные тревоги» 1920-х гг. // Отечественная история. 2008. № 1. С. 36–58; Кудюкина М.М. Враги и союзники глазами красноармейцев в конце 1920-х годов // Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Москва, 25–26 ноября 2008 года. М., 2008. С.141–144.
- ²⁷ Кудюкина М.М. Указ. соч. С. 143.
- ²⁸ Голубев А.В. Указ. соч. С. 40.
- ²⁹ Там же. С. 56.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Кирьянова Е.А. Российское крестьянство в годы коллективизации: восприятие внешнего мира и отечественных реалий // Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Москва, 25–26 ноября 2008 года. С. 146–147.
- ³² Голос народа... С. 22.
- ³³ Там же. С. 214.
- ³⁴ Там же. С. 233.
- ³⁵ Россия и Запад... С. 137.
- ³⁶ Голос народа... С. 207.
- ³⁷ Там же. С. 234.
- ³⁸ «Птицегонство надоело до смерти...»... С. 90.
- ³⁹ Голос народа... С. 275–276.
- ⁴⁰ Там же. С. 250.
- ⁴¹ Там же. С. 235.
- ⁴² Соловьев А.Г. Тетради красного профессора (1912–1941 гг.) // Неизвестная Россия. XX век. Кн. 4. С. 150.
- ⁴³ Чуковский К.И. Указ. соч. С. 126–127.
- ⁴⁴ Журавлев С.В. Власть моды и советская власть: история противостояния. Электронный ресурс: <http://www.polit.ru/research/2006/12/21/fashion.html>
- ⁴⁵ Андреева А.Ю., Богомолов Г.И. История костюма: эпоха, стиль, мода. СПб., 2001. С. 280–282.
- ⁴⁶ Кирсанова Р.М. Все дело в шляпе // Родина. 2003. № 7. С. 100–101.
- ⁴⁷ Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003. С. 58.
- ⁴⁸ Там же. С. 64.
- ⁴⁹ Цит. по: Гурова О.Ю. Идеология потребления в советском обществе: революционная доктрина вкуса и бытовой аскетизм, 1920-е годы. Электронный ресурс: <http://www.socjournal.ru/article/669>

⁵⁰ Там же.

⁵¹ НА РА, ф. Р-1, оп. 1, д. 130, л. 24.

⁵² Там же, д. 2, л. 72.

⁵³ ГА РФ, ф. 1235, оп. 43, д. 62, л. 80, 80 об., 123–124.

⁵⁴ НА РА, ф. Р-1, оп. 1, д. 320, л. 22.

⁵⁵ Там же, д. 397, л. 6.

⁵⁶ Голос народа... С. 28.

⁵⁷ Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания? Материалы российско-немецкого форума. М., 2009. С. 156–186.